

ОГО НЕКЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 46

Пятница, 3 (16) декабря 1904 г.

№ 46

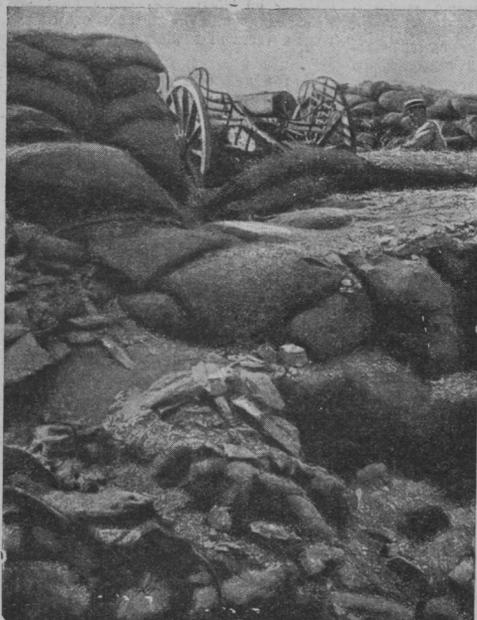
Доблестный шт.-кап. А. Ф. Маньковскій,
убитый во время перестрѣлки съ японцами
19-го ноября. (См. телеграмму генерала
Куропаткина отъ 19-го ноября).

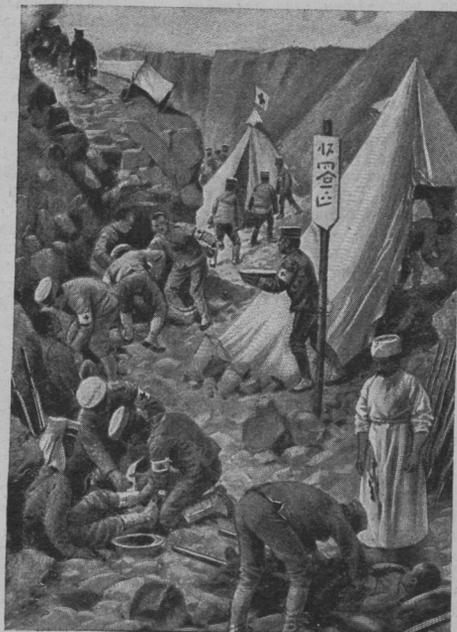
Командиръ 16-го армейскаго корпуса
ген.-лейт. А. А. Гопорнинъ,
отправляющійся съ своимъ корпусомъ на театръ
войны.

Подполковникъ 23-го восточно-сибирскаго полка
А. Н. Шрейдеръ,
раненый на Янзельскомъ перевалѣ.

Искусственная защита для японскихъ орудій вблизи форта
въ „203 метра“, до взятія его японцами.

Японскій Красный Крестъ на позиціи во время боя
у Лоръ-Артура.

Воспоминания и мемуары.

„Хождение пшкомъ“ помѣщика, какъ показавъ неблагонамѣренности.—М. В. Остроградскій подъ надзоромъ полиціи.—Князь Н. Г. Репнинъ и театр.—Добродѣтельная барыня и неблагодарный крѣпостной.—Воляная въ видѣ наказанія.—Выкупъ М. М. Щепкина.

I.

До какихъ мелочей доходали правительственная регламентация и бюрократическая опека, учрежденная надъ русской жизнью въ концѣ двадцатыхъ годовъ, документально показывается эпизодъ съ извѣстнымъ математикомъ М. В. Остроградскимъ.

Въ 1828 году, когда М. В. былъ всего еще только „сыномъ полтавскаго помѣщика“ (особое чисто-русское званіе), онъ привлекъ къ себѣ неожиданно-негаданно особое вниманіе петербургской полиціи.

Все предосудительное поведеніе сына помѣщика заключалось въ томъ, что онъ возвратился изъ-за границы въ Петербургъ особеннымъ способомъ: по образу пѣшаго хожденія.

Необычный способъ такого передвиженія привлекъ петербургскую полицію въ трепетъ. Заскрипѣли перья, полетѣли къ малороссійскому губернатору бумаги.

Синія обложка приняла новое „дѣло“.

Главнокомандующій въ Петербургѣ, графъ П. А. Толстой, уѣздомъ князя Н. Г. Репнина о семъ необычномъ для руссійскаго благополучія случаѣ, писалъ:

„Находящійся здѣсь полтавскій помѣщикъ Михайла Остроградскій обратилъ на себя вниманіе правительства тѣмъ, что онъ возвратился изъ-за границы въ „оссюю пшкомъ“, съ нѣкоторыми, впрочемъ, незначащими обстоятельствами. Получивъ нынѣ донесеніе, что сей г. Остроградскій отправляется изъ Полтавской губерніи въ Кобеляскій повѣтъ, я считаю долгомъ окорнѣе просить ваше сіятельство имѣть его секретно на замѣчаніи, и въ случаѣ, когда за нимъ откроется что-либо предосудительное, или заслуживающее вниманія правительства, почтить меня о семъ подробнѣе извѣдомленіемъ“.

Генераль-губернаторъ поставилъ въ извѣстность о случившемся полтавскаго губернатора.

Полтавскій губернаторъ, въ свою очередь, предислалъ кобеляескому земскому комиссару имѣть всевозможное наблюденіе за поведеніемъ и поступками дворянина Михайла Остроградскаго, хотя и ни въ чемъ не стѣснять послѣдняго.

Комиссаръ отправился „въ жилище Остроградскихъ“ и, подъ видомъ партикулярнаго человѣка, въ продолженіе десяти дней „имѣлъ наблюденіе“ за поведеніемъ навлекшаго на себя подозрѣніе дворянина.

Наблюденія комиссара не дали никакихъ результатовъ. Остроградскій въ то время собирался ѣхать въ Петербургъ и хлопоталъ о паспортѣ; въ домъ шля приготовленія къ отъѣзду и „ничего заслуживающаго вниманія на подозрѣніи или предоступительности комиссаръ не замѣтилъ“, о чемъ и донесъ по начальству.

Гора родила мышь. И только въ реестрѣ полтавскаго губернскаго правленія приближилось одно дѣло въ синей обложкѣ „объ обратившемъ вниманіе правительства“ дворянинѣ Михайлѣ Остроградскомъ.

Кто сосчитаетъ число листьевъ на деревьяхъ, только тотъ сможетъ измѣрить количество „дѣлъ“, порожденныхъ бездѣльемъ руссійскаго канцелярія, уѣзду фабриковавъ вихъ входящихъ и исходящихъ для изиданія потовства...

II.

Малороссійскій губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ былъ не только выдающимся администраторомъ, но и большимъ театраломъ. Театралми же были и ближайшіе приближенные князя. Правитель канцеляріи генераль-губернатора, М. Ф. Имбергъ, состоялъ въ то же самое время въ званіи директора театра.

На театръ князь не шадилъ денегъ и слоникъ, и казенныхъ. Полтавская труппа была составлена образцово. Князь гордился ею и во время дворянскихъ выборовъ въ городѣ края посылалъ ее на гастроли „для пріятнаго удовольствія имѣющему собраться тамошнему дворянству“. Въ заботѣхъ по поводу лучшаго устройства временныхъ театровъ въ городѣ, князь былъ неутомимъ. Онъ велъ обширную переписку, препоручая заботы объ устройствѣ сценъ и изготовленіи декораций... губернаторамъ и прокурорамъ, благодаря ихъ за попеченіе. Онъ самъ намѣчалъ маршруты труппы, считая необходимою такое „полезное и пріятное учрежденіе“, какъ театр.

Театральныя представленія начинались въ то время рано. Въ шесть часовъ вечера уже гремѣлъ оркестръ и звывался занавѣсъ. Дѣны на отдѣльныхъ мѣстахъ колебались отъ 4 р. до 1 р. и отъ 16 р. до 12 р. для ложъ. Нерѣдко въ полтавскій театръ собиралось такъ мало зрителя, что директоръ театра пригуживалъ быть „отказывать въ спектаклѣ“ и выдавать обратно четыре мѣ пришедши и мѣ зрителиамъ деньги за билеты.

Поклонникъ театра, князь Репнинъ былъ не только меценатомъ искусства, но и хотѣлъ быть добрымъ другомъ актеровъ. Его имя должно остаться жить въ лѣтописяхъ русской сцены, потому что оно тѣсно связано съ именемъ величайшаго русскаго артиста М. М. Щепкина. Въ судьбѣ послѣдняго князь игралъ не послѣднюю роль.

Крѣпостной человѣкъ, сынъ камердинера помѣщицы графини Анны Волькенштейнъ,—Щепкинъ начиналъ свою артистическую карьеру въ Полтавѣ. Полтавскій театръ и мѣстная публика видѣли восхожденіе яркаго свѣтла русской сцены и вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ способствовали освобожденію отъ рабства замѣчательнаго русскаго таланта.

Опубликованная въ первый разъ въ „Кіевской Старинѣ“ переписка князя Репнина съ помѣщицей Анной Волькенштейнъ даетъ нѣсколько новыхъ, дѣльныхъ штриховъ для биографіи Щепкина и исторіи русскаго театра вообще.

Полтавскій генераль-губернаторъ не только увѣровалъ въ талантъ молодого Щепкина, но и понималъ, что великому артисту невозможно быть связанномъ путями рабства. Онъ началъ дѣлательно хлопотать о выкупѣ „крѣпостного человѣка“ графини Анны Волькенштейнъ. Но сама помѣщица нисколько не считала ненормальнымъ признавать „своему человеку“ съ малыми талантами бросать на время сцену и отправляться въ курское имѣніе Волькенштейнъ, для прамѣненія въ имѣніи своихъ познаній въ землѣрвной наукѣ“.

Къ „землѣрвной наукѣ“ Щепкинъ не чувствовалъ ни малѣйшаго тяготѣнія, равно какъ не ощущалъ особой благодарности къ своей помѣщицѣ, имѣвшей право карать его и мизовать. Но права крѣпостной эпохи были особенныя.

Въ отсутствіи именно благодарности раба къ господамъ брать владѣнцы сильно укорялъ артиста.

* Щепкинъ окончивъ курсъ курскаго уѣзднаго училища. Мечталъ о гимназіи, но крестьянскому сыну не нашлось мѣста въ этомъ чисто дворянскомъ въ то время учебномъ заведеніи.

„Миша Щепкинъ!—писалъ въ этомъ любопытномъ письмѣ П. Анненковъ,—такъ какъ ты, видно, не хочешь быть слугою, и, видно, не расположенъ быть благодарнымъ за все то, что отецъ твой пріобрѣлъ, бывши у графа, за воспитаніе, да еще тебѣ, то графиня желаетъ всѣмъ вамъ дать волюную, т. е. вашей фамиліи—отцу твоему со всѣмъ семействомъ за 8 тысячъ, ибо семейство ваше весьма значительно. Ежели ты хочешь оное получить, пріѣзжай поскорѣе, такъ ты получишь; не теряй времени“.

Письмо помѣчено 2 мая 1818 года.

Итакъ, неблагодарнаго раба графиня великодушно готова была издать изъ подъ его окорнѣтельства, считая послѣднее пріятнѣе всякой воли.

Право на послѣднюю было оцѣнено въ 8 тыс. рублей, но гдѣ было ихъ взять крѣпостному артисту, получавшему годовую окладъ въ театрѣ въ 1500 рублей?

Объ этомъ графиня не заботилась...

III.

Заботникъ нашелся въ лицѣ Репнина.

Въ отвѣтъна письмо брата рабовладѣльци, князь пишетъ длинное письмо.

Изъявляя искреннюю признательность за согласіе объ увольненіи крѣпостного человѣка Щепкина „на полтавскій театр“, князь приноситъ благодарность не только отъ себя, но и отъ публики полтавской, пользующейся удовольствіемъ, доставляемымъ его талантомъ“.

„Талантъ для всѣхъ ровно свѣтлѣть долженъ“ подчеркиваетъ свою мысль князь.

Сумму выкупа, назначенную помѣщицей, однако, Репнинъ находилъ высокой. Полтавскій „на благодарившій образъ мыслей“ графини, Репнинъ просилъ довершить начатое „благодѣніе“ (за восемь тысячъ рублей) и сдѣлать „услугу обществу“. Впрочемъ, мало надѣясь на послѣднюю, князь выставляетъ и еще одинъ всескій мотивъ: отсутствіе на волю артиста въ личное, ему, князю, одолженіе.

Но графиня осталась твердой въ своихъ рѣшеніяхъ. Дворянское чувство не позволило ей спуститься до торга. Она не сбавила ни копѣйки и поставила ультиматумъ: „или восемь тысячъ, или невольн“.

26-го іюля 1818 года полтавскій театръ справлялъ рѣдкій праздникъ. Каждый его участникъ носилъ въ душѣ свѣтлое чувство, каждый принималъ участіе въ добромъ дѣлѣ. Вся почти Полтава собралась на этотъ выдающійся спектакль, угрозенный, въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участіа“. Такъ гласила афиша. Вылеты были всѣ распроданы по огромнымъ цѣнамъ. Изъ сохранившагося подписного листа видно, что Репнинъ заплатилъ за кресло 300 р., Потемкинъ 700 р., тестъ Репнина гр. Разумовскій—300 р. Были и такіе жертвователи: одинъ помѣщикъ великодушно отдалъ 1,992 р. выигранныхъ имъ въ карты съ полтавскаго полнейшегостера.

Подписка и спектакль дали свыше семи тысячъ рублей. Остальное доплатилъ князь изъ собственной кассы.

Однако, какъ извѣстно, устройство участіа актера Щепкина далеко не закончилось этимъ спектаклемъ. Нужны были еще три долгихъ года, чтобы бывшій крѣпостной графини Волькенштейнъ и князь Репнина почувствовали, что онъ дѣйствительно свободенъ. „Фамилія“ Щепкина такъ и не дождалась этого дня, и отецъ великаго артиста умеръ крѣпостнымъ.

Объ этомъ, впрочемъ, г. Павловскій ничего не упоминаетъ въ „Кіевскій Старикъ“.

Ник. Носковъ.

Патти въ Петербургъ.

(По поводу прѣзда знаменитой пѣвицы въ Петербургъ для участія въ концертѣ въ пользу раненыхъ).

Патти—злоба для Петербурга.

Всуду говорятъ объ этой знаменитой пѣвицѣ, рассказываютъ про нее всевозможныя небывлицы...

Для большинства современныхъ петербуржцевъ Патти—только имя.

И не удивительно.

Всёмирно-извѣстная артистка, хотя и пѣла въ Петербургѣ около девяти лѣтъ подрядъ, но это было давно, болѣе четверти вѣка назадъ. Затѣмъ Патти ожидали не разъ въ Петербургѣ, но ей прѣзды къ намъ ограничивались только обшаваньями...

— Пока она не будетъ здѣсь,—говорилъ мнѣ на-дняхъ одинъ искусившійся театраль,—до тѣхъ поръ не поѣду... Мнѣ по-челу-то кажется, что она не прѣдетъ... Она ужъ не молодая,—со вздохомъ добавилъ онъ.

Да, той Патти, къ которой въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія бѣгалъ весь Петербургъ, по моему скромному подсчету, должно быть въ настоящее время... 63 года!

Аделина-Марія-Жанна Патти родилась въ Мадридѣ 19 февраля 1841 года. Мать ея, вначалѣ простая уличная пѣвица, римлянка Барилли, вышла замужъ за сицилійскаго тенора Патти, благодаря которому получила музыкальное образованіе и пѣла даже на сценѣ.

Патти впервые появилась передъ публикой, какъ „вндеркиндъ“, въ „Tripler Hall“, въ Нью-Йоркѣ, въ 1850 году.

Будущій дѣвъ было тогда всего-на-всего семь лѣтъ!

Современные музыканты, слышавшіе Патти, предсказывали ей уже тогда огромную будущность.

Въ самомъ дѣлѣ, когда она черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1859 году, выступила въ томъ же Нью-Йоркѣ въ оперѣ „Лучія“,—она съ перваго же спектакля имѣла колоссальный успѣхъ.

Черезъ два года она съ такимъ же успѣхомъ выступила въ Лондонѣ, исполняя партію Аины въ „Сомнамбулѣ“. Ея феноменальная колоратура поразила всѣхъ—музыканты видѣли въ ней какое-то откровеніе.

Будучи во Франціи, Патти познакомилась съ маркизомъ де-Ко, прельстившая титуломъ и въ 1866 г. вышла замужъ.

Бракъ этотъ былъ удивительно неудаченъ. Весь заработокъ Патти, а уже въ то время онъ былъ грандіозенъ, маркизъ безъ всякаго стѣсненія проигрывалъ въ карты.

Патти прѣздала къ намъ вполнѣ законченной пѣвицей, съ именемъ и огромной популярностью.

Напрасно поэтому нѣкоторые утверждаютъ, что она обязана своей карьерой всецѣло Россіи.

Ничего подобнаго!

Талантъ Патти открыли въ Америкѣ, тамъ же создали ей и первый успѣхъ.

* *

Пѣла она въ итальянской оперѣ, въ Большомъ театрѣ.

На первомъ представленіи присутствовалъ Государь и едва-ли не вся Императорская Фамилія.

Съ перваго же спектакля Патти стала кумиромъ театральной публики, и вскорѣ Государь пожаловалъ ей орденъ.

Патти была небольшого роста, но удивительно пропорціональнаго сложенія, стройная и граціозная, какъ газель...

Особенно привлекали всѣхъ ея живые, большіе глаза.

Почти ни одинъ спектакль не обходился безъ подношеній.

Драгоценности, серебро, бѣты сыпались на нее, какъ изъ рога изобилія. Она принимала это со спокойнымъ, холоднымъ видомъ, но въ душѣ была, конечно, очень рада, такъ какъ знаменитая пѣвица вообще была корыстолюбива и всегда обращала едва-ли не первостепенное вниманіе на то, сколько ей платятъ за гастроли.

Первые Патти выступила у насъ въ „Дикоръ“.

Когда она во второмъ дѣйстви оперы бѣжала по горамъ и пѣла удивительныя ругалы,—театръ замеръ отъ восторга.

Ни одинъ меломанъ до тѣхъ поръ не слышалъ ничего подобнаго.

Маркизъ де-Ко не оставлялъ своей супруги и присутствовалъ на каждомъ спектаклѣ, сидѣлъ у ней въ уборной, лѣвъ вѣчно за кулисы и тамъ частенько устраивалъ ей сцены. Наконецъ, дѣвъ, которая, кстати сказать, не особенно долюбливала маркиза, все это надоѣло, и она обратилась къ театральной администраціи съ просьбой воспретить ей мужу входить на сцену, что и было исполнено.

Этого добавивъ уже многие, главнымъ образомъ, артисты, которымъ маркизъ часто дѣлалъ замѣчанія, за что разъ едва не былъ побитъ Николини, вполнѣ стѣснѣли вторымъ мужемъ пѣвицы.

За Патти ухаживали всѣ, начиная съ иностранныхъ дипломатовъ и придворныхъ и кончая учащейся молодежью.

Вѣчно шли подлиски, сборы на подношенія...

Маркизъ требовалъ отчета у своей жены, кто поднесъ ей то, кто другое.

Патти это, наконецъ, надоѣло, и она рѣзко протестовала противъ этой „отчетности“. Да она и не могла объяснить, такъ какъ сама не знала своихъ безчисленныхъ поклонниковъ.

* *

Знаменитой пѣвицѣ особенно часто приходилось пѣть съ извѣстнымъ теноромъ Эрнесто Николини.

Патти влюбилась въ него.

До этого времени артистка пѣла превосходно, но играла всегда блѣдно и невыразительно.

Теперь же и игра ея стала тонкой и обдуманной. Успѣхъ ея еще выросъ, и публика, отъ которой „шла въ мѣшки не утани“, узнала про романъ дивы, сочувственно отнеслась къ нему и стала насмѣхаться надъ маркизомъ, который въ это время сталъ вести себя вполнѣ неприлично.

Онъ забросилъ дипломатію и все время, кромѣ времени спектакля, проводилъ въ игорныхъ домахъ, проигрывая деньги своей супруги. Когда пѣлъ Николини, маркизъ злобно поглядывалъ на него, и это не ускользало отъ общаго вниманія.

Такъ продолжалось до 1886 года.

Маркизъ, что называется, „очертѣлъ“ своей супруги, она развелась съ нимъ и вышла замужъ за Николини.

Браки по страсти рѣдко бывають счастливыми.

Патти не повезло и тутъ.

Между супругами вѣчно пробѣгала „черная кошка“.

* *

Послѣдній разъ Патти вѣла въ Большомъ театрѣ въ 1879 году.

Часто не выходя съ на сцену публика по

получасу аплодировала и не давала пѣвицѣ начать свою арію. Это принудило дирекцію издать рядъ правилъ, которые, конечно, ни къ чему не привели.

Одновременно съ Патти пѣла и Нильсонъ. Въ публикѣ образовались партіи „нильсонистовъ“ и „паттистовъ“. Долгое время обѣ партіи враждовали, но въ концѣ концовъ „паттисты“ одержали верхъ, хотя и не вполнѣ справедливо.

Патти обладала удивительнымъ отъ природы голосомъ, но пѣла всегда не то, что написано въ партитуру. Она все украшала фігурами, чтобы блеснуть техникой, произвести вѣбншій эффектъ...

Этимъ же, впрочемъ, бралъ вполнѣ стѣснѣ и Мазини. Однажды, когда онъ пѣлъ въ театрѣ „Pergolo“, во Флоренціи, „Риголетто“, то тамъ присутствовалъ самъ Верди.

Мазини, узнавъ о присутствіи великаго мастера, просилъ антрепренера пригласить его на сцену. Старикъ съ удовольствіемъ исполнилъ просьбу „короля теноровъ“ и въ одинъ изъ антрактовъ пршшелъ къ нему въ уборную.

— Какъ я пою Риголетто?—спросилъ Мазини композитора едва-ли не вѣбсто при- вѣстія.

— Ты поешь Риголетто не мое, а свое собственное,—отвѣчалъ Верди,—но, несмотря на это, пой, какъ хочешь, только пой.

То же можно сказать и о Патти. Конечно, пѣніе и игра Нильсонъ въ дѣйствительности выше, художественнѣе, во у нея не было феноменальной техники, и поэтому она не могла прозвонить на большую публику такого же впечатлѣнія, какое производила на знатоковъ.

* *

Вообще, въ то время итальянская опера была въ полномъ расцвѣтѣ.

Достаточно сказать, что товарищами по сценѣ Патти были, кромѣ уже упомянутыхъ Нильсонъ и Николини, еще Альбани, Фраччи, Котони, Кальцолари, Эверарди, который, несмотря на свою чисто итальянскую фамилію былъ родомъ бельгіецъ—Эвардъ. Про него рассказываютъ, что въ „Мефистофель“ онъ былъ лучше самого Шалалина.

Что Патти была хуже Нильсонъ въ драматическихъ партіяхъ говорить, тотъ фактъ, что однажды дирекція хотѣла поставить „Травиату“ съ двумя Виодеттами. 1-е и 2-е дѣйствія, гдѣ не нужно драматической пѣвицы, дирекція хотѣла поручить Патти, а 3-е и 4-е—Нильсонъ, но это распределеніе ролей почему-то не состоялось.

Въ то время никому не шикали—это не было принято.

Между тѣмъ, Патти въ „Фаустѣ“ не нравилась, такъ какъ пѣла и играла Маргариту по своему и вполнѣ невѣрно—публика, когда слышала Фауста, всегда вѣла себя очень сдержанно, не такъ, какъ на другихъ спектакляхъ.

* *

Однажды, на какомъ-то концертѣ Патти рѣшила спѣть „Londò“ изъ оперы Мейербергера „Сѣверная звѣзда“.

Это „рondo“ настолько трудно, что Патти не исполнило ни одной артисткой. Всегда, когда шла „Сѣверная звѣзда“,—оно пропускалось.

Написано оно подъ аккомпанементъ двухъ флейтъ.

Патти аккомпанировали профессоръ Чарди и Пуни, братъ извѣстнаго виолончелиста.

Оба они высовывали на флейтахъ самое высокое staccato, Патти легко повторила его и забиралась еще выше. Наконецъ, Чарди

Поручик
Т. С. Мефедовский,
раненый в бою
у Ляояна.

Поручик
баронъ К. Т. Корфъ,
раненый в бою
у Ляояна.

Поручик
Н. И. Лрудковскій,
раненый в бою
у Ляояна.

Полковникъ
И. И. Подвальнюкъ,
раненый в бою у Шаха.

Капитанъ
М. Т. Тришковскій,
раненый в бою
у Ляояна.

Капитанъ
В. В. Веселовъ,
раненый в бою
у Ляояна.

покраснѣлъ и демонстративно положилъ флейту на пультъ, то-же сдѣлала и Пуни, а Патти, какъ ни въ чемъ не бывало, взяла то высокое тѣ, гдѣ кончается человѣческой гонимости и начинается птичій, и сдѣлала удивительную трель.

Что произошло послѣ этого въ залѣ,—трудно представить. Восторги публики перешли всякія границы.

Несмотря на это, Патти уклонилась отъ повтореній этого *tour de force'a* и сѣбла на *bis* вальсъ собственного сочиненія „Il basia d'addio, который, воплотивъ естественно, не произвелъ на публику того впечатлѣнія, какъ „Gondo“.

Это было болѣе четверти вѣка назадъ, что-то будетъ теперь?

* * *

Несмотря на то, что Патти пѣла въ Петербургѣ подъ-рядъ девять сезоновъ, въ Большой театрѣ попасть было очень трудно. Билеты брались нарасхватъ, и барышники — этотъ „институтъ“ существовалъ и тогда — зарабатывали огромныя деньги.

Маринскій-же театрѣ, въ которомъ составъ былъ тоже недуренъ, — тамъ пѣли Пе-

тровъ, Лавровская, Мельниковъ, — часто путовалъ, и директоръ театровъ нерѣдко приказывалъ раздавать бесплатныя билеты людямъ благонадежнымъ...

У Патти было огромное богатство въ брилліантахъ, и послѣ того какъ у ней изъ уборной стацили перстень, поднесенный ей какой-то коронованной особой, ея цѣнности въ театрѣ всегда охраняла полиція.

Когда Патти заявила о пропавшѣ перстня, начальникъ смыской полиціи, во избѣжаніе скандала, немедленно заказалъ точно такое-же кольцо и для черезъ три поднесъ его дивѣ, какъ бы уже отысканное. Патти была странно рада и очень благодарна. Она особенно дорожила имъ, такъ какъ вѣрила, что оно ей приниситъ счастье.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обманъ, однако, всплылъ наружу — нашлось и настоящее кольцо.

Точно такой-же случай впоследствии рассказывали про англійскаго посланника и Путилина, но это пересказать исторію съ кольцомъ Патти.

* * *

Часто у театральной подвѣзда восторженные меломаны поджидали свое „божество“, выпрягали лошадей и сами вели Патти домой. Въ числѣ импровизованныхъ лошадей не стѣснялись быть даже дамы высшаго общества.

Патти своими безконечными кавризами была такъ же извѣстна, какъ и своимъ голосомъ.

Кавризы и вообще рѣзкій характеръ у нея, вѣроятно, наследственные. Въ ея сестра Карлотта, родившаяся въ 1840 г. во Флоренціи, была очень хорошей пѣвицей, но не могла пѣть на сценѣ, благодаря хромотѣ — ее мать въ порывѣ злости стодкнула съ лѣстницы.

Карлотта была замужемъ за виолончелистомъ Эрнстомъ Мунки и умерла въ Парижѣ въ 1889 году. Аделина Патти на старости лѣтъ влюбилась въ шведскаго барона Рольфа Седерстремъ — „профессора“ массажа — и въ 1899 году вышла за него замужъ.

„Молодые“ поселились въ роскошномъ

Японскія батареи, установленныя противъ русскихъ фортовъ у Ляотешана.

Итальянскій король Эммануилъ II читаетъ тронную рѣчь при открытіи сессіи новозбраннаго парламента.

Съ иллюстраціи корреспондента Д. Паллоучи.

Александр Николаевич Лыткин,
литератор и ученый († 26-го ноября).

замк Пати „Craig-y-Nos“ в Валлисе в Англии и с тех пор живут там почти безвыездно.

Н. Марков.

Воспитательное влияние американской тюрьмы.

Преобразование тюрьмы.—Вольные работы.—Тюремная газета.

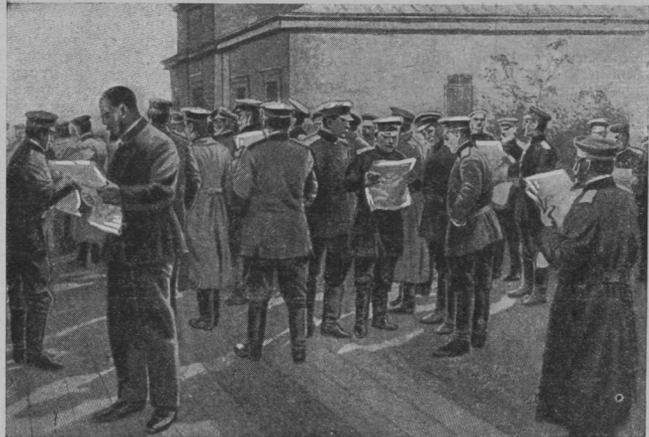
В архи-практичной Америке, в штате Мичигане, было решено думой городка Джексона совершенно преобразовать местную, центральную тюрьму, строгий режим которой был известен давно и тяготел над головами почти 70 человек узников, обязанных предаваться принудительным работам, носить грубое, тюремное белье, форменное платье, молчать, не сноситься друг с другом, не читать, не иметь своих денег и т. д. и т. д., как это водится во всякой порядочной американской тюрьме.

Постепенно начальство стало вводить различные льготы, даря их за особо примырное поведение.

Командир 4-го армейского корпуса, ген.-лейтен.

И. Маслов,
увважающийся на театр войны.

Чтение сибирских газет на станции „Лограничной“, по пути в действующую армию.

Съ наброска корреспондента, автотипия „Биржевых Ведом.стей“.

Сверхурочные работы, прежде исполняемые заключенными, приносили им кой-какие деньги. Но на руки их не выдавали, откладывая на день выхода из тюрьмы. Теперь позволили распоряжаться этими деньгами, разрешили получать помощь и со стороны друзей, или знакомых, каждый мог посылать за улучшенной пищей, мог курить табак в свободное от работы время, мог по праздникам одевать свое лучшее белье, платье.

Вольные работы заключенных, совершенные в свободные часы,—выставлялись в особые витринах на продажу. Сбыт нашелся широкий. Уже в первый месяц работа 400 человек, отличающихся особым мастерством, была продана и принесла до 6 00 рублей. Деньги эти были распределены между всеми заключенными поровну, и каждому изъ 700 досталось по 8 с лишним рублей.

Заключенным были разрешены прогулки в тюремном дворе и саду, во двор. Здесь же они в известные часы могли принимать лѣтвомъ посѣтителей, родных. Имъ разрешали устраивать игры и гимнастическую упражненія. Потомъ завели богатую библиотеку, допустили выписку журналовъ и газетъ.

Кончилось тѣмъ, что заключенные купили небольшой типографскій скоропечатный станокъ и стали тискать „свою“ газету „Broaden Out“.

Редакторъ, сотрудники, наборщики, фальцовщики—все были сами заключенные, тюремные „сильблы“. Газету стали выписывать и въ городъ. Расходы на покупку машинъ, шрифта и бумаги быстро окупились паями и подписной платой, вносимой каждымъ подписчикомъ, какъ вольнымъ, такъ и изъ узниковъ.

Завелся особый родъ спорта. По праздникамъ, за стѣной тюрьмы, становилась

Антрепренерша труппы, гастролирующей въ мѣстахъ расположенія войскъ на театр войны, А. М. Свѣрская-Сигулина.

Съ фотографіи, присланной намъ съ театра войны.

„городская партія“ игроковъ въ мячъ. На тюремномъ дворѣ выстраивались заключенные. И во всѣхъ случаяхъ—тюрьма оставалась побѣдительницей надъ горожанами.

Словомъ, изъ „юдоли плача“ джексопская тюрьма обратилась дѣйствительно, въ исправительное заведеніе для испорченныхъ дѣтей „старшаго возраста“...

„Гласъ народа“

Итальянскій журналъ „Трибуна Шустрата“ не пожалѣлъ расхода и передъ подписной разослалъ не только по всему Риму, но по всей странѣ свои нумера съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, на которые публика должна была отвѣтить редакціи.

Интересны нѣкоторые изъ вопросовъ, а также и отвѣты толпы, массы, всего итальянскаго народа.

Изъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ лучше, чѣмъ изъ сотни пусто-звонкихъ романовъ д'Аннунціо и ему подобныхъ, можно понять душу итальянскаго народа.

На вопросъ: „Какая есть въ мужчинѣ высшая добродѣтель?“—отвѣчалось 13768 итальянцевъ. Изъ нихъ 4035 человекъ провозгласило, что эта добродѣтель „честность“.

Очевидно, большинство итальянцевъ не знаетъ, что „честность, добросовѣстность“—есть долгъ, обязанность каждаго мужчины и женщины. Даже такія узкія нормы, какъ статьи закона, караютъ за безчестность, за недобросовѣстность! А законъ не караетъ за недостатокъ добродѣтели. Онъ преслѣдуетъ только за порокъ, за вредоносные поступки. Очевидно, отвѣтъ былъ крикомъ сердца, потому что лица, хорошо знающія Италию, именно указываютъ на то печальное явленіе, что „недостатокъ честности, добросовѣстности“ есть общій для всѣхъ почти итальянцевъ черта. А человекъ очень бываетъ радъ, если оплететъ другого, и вопитъ, если оплетутъ его. Вотъ, откуда это провозглашеніе честности добродѣтели. Всегда можно отговориться: „Я, моль, не виноватъ, если родился не слишкомъ добродѣтельнымъ“.

Изъ остальныхъ 40 вопросовъ отвѣтитимъ: „Какая добродѣтель для народа самая главная?“

Отвѣтъ: „Любовь къ отечеству“. Но увы! отвѣтъ этотъ данъ всего 1670 голосами изъ 2500. Очевидно, въ Италія много „истинныхъ патриотовъ“.

На вопросъ: „Кто величайшій изъ современныхъ поэтовъ?“—десять тысячъ человекъ отвѣтили единогласно: „Кардуччи“. Около двухъ тысячъ голосовъ раздѣлилось.

Оно и понятно: итальянцы больше смыслятъ въ поэзіи, чѣмъ въ политикѣ. Это доказала исторія: два влстелина въ одномъ Римѣ, распаденье имперіи и т. д. Величайшимъ романистомъ вѣка призналъ Золя—всего 4040 голосами. Дома великихъ романистовъ не нашлось, а селянские итальянцы не пожелали очень большаго количества голосовъ податъ за француза, хотя бы и итальянца не крови, какимъ былъ Золя.

Верди признанъ величайшимъ изъ всѣхъ современныхъ композиторовъ—всего 5,781 голосомъ. За нимъ у Пуччинни—2,713 голосовъ. Маскани—1,514 голосовъ. Вагнеръ на 7-мъ мѣстѣ, бѣдняжка. За него ровню 400 голосовъ. Больше не высказалось „вагнерианцевъ“ во всей Италіи.

Лучшій праздникъ—Рождество. Затѣмъ, идетъ уже анекдотическая часть анкеты, маниловщина съ карамзинской. Лучшій вѣтчикъ—роза. Имя женское—Марія. Животное—лошадь. Краска—темно-голубая. Запахъ—фиалокъ. Дубъ са-

мое красивое дерево, по мнѣнію итальянцевъ. Вотъ ужъ правда, зарылись люди въ лаврахъ и кипарисахъ, такъ ихъ и тянетъ на сѣвернаго, шаршаваго богатыря.

Кто изъ отвѣчавшихъ не опустилъ ни одного изъ 41 вопроса и остался во всѣхъ случаяхъ въ рядахъ большинства, т. е. самый типичный, самый пошлый итальянецъ, за свою догадливость, либо за наиболѣе развитую стадность, получилъ отъ редакціи премию въ размѣрѣ 1.000 лиръ, т. е. рублей 380 на наши деньги.

Вѣдному итальянцу,—это цѣлое состояніе. Хотя у нихъ „состраданіе и милосердіе“—не попало въ число высшихъ добродѣтелей, но страданія и нищеты очень много въ этой прекрасной странѣ!

Изъ жизни лондонской печати.

Извѣстіе о томъ, что „Standard“, главный органъ англійской консервативной партіи, проданъ за 700.000 ф. ст. Артуру Пирсону, возбудило въ газетныхъ и политическихъ кругахъ Англій живѣйшій интересъ. Съ тѣхъ поръ, какъ года полтора тому назадъ возникла борьба между старыми фритредерами и приверженцами умѣренныхъ покровительственныхъ пошлинъ, „Standard“ неукоснительно проводилъ принципы свободной торговли. Новый же владѣлецъ Пирсонъ, имѣющій въ своихъ рукахъ „Daily Express“, „St. James Gazette“ и около полдюжины провинціальныхъ органовъ, является однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ. Последнее поставило себя задачей вернуть, подъ покровительствомъ Чемберлена, тарифную политику страны къ эпохѣ, предшествовавшей Гладстону, Кобдену и Лилло. Пирсонъ увѣряетъ, правда, что не произойдетъ внезапныхъ переменъ въ направленіи газетъ, но слово, внезапный, намекаетъ уже на то, что, въ концѣ концовъ, все-таки совершится. И было бы дѣйствительно, странно, если бы предсѣдатель лиги тарифныхъ реформъ сталъ зашивать въ одной изъ газетъ свободу торговли, тогда какъ въ остальные его органы уже давно сданы этотъ вопросъ въ архивъ. Но для самого „Standard“ возвратъ къ покровительственнымъ пошлинамъ былъ бы лишь возвратомъ къ старымъ традиціямъ. „Standard“ въ теченіе многихъ лѣтъ придерживался программы покровительственныхъ пошлинъ, въ разрывъ съ прочими газетами Лондона, перешедшими на точку зрѣнія свободной торговли. Поэтому „Standard“ долго носилъ кличку „The old Lady from Shoelane“ (Старуха изъ Шуленя). Въ Shoelane, переулкѣ знаменитой Fleet Street, гдѣ сосредоточивается газетное дѣло Лондона, помѣщаются редакція и типографія „Standard“а. Въ современномъ обновленномъ видѣ „Standard“ началъ выходить со второй половины шестидесятихъ годовъ девятнадцатаго вѣка. Расцвѣтъ юности газета имѣла задолго передъ тѣмъ, когда главнымъ редакторомъ состоялъ остроумный д-ръ Джидфардъ, отличавшійся бойкимъ, до рѣзкости свободнымъ перомъ. Но къ серединѣ шестидесятихъ годовъ, это углѣло ичезнуло. Либерализмъ достигъ тогда въ Англии высшаго развитія. Онъ сдѣлался моднымъ движеніемъ въ Европѣ, вообще, и консервативная пресса носила отпечатокъ удивительной скуки. Главнымъ органомъ консервативной партіи былъ „Morning Herald“, продававшійся по три пенса за экземпляръ. „Standard“ находился тогда въ связи съ „Morning Herald“, составляя его вечернее изданіе, но имѣлъ, тѣмъ не менѣе, полунезависимое положеніе и отовсюду всего одинъ пенни. Цѣна эта была уступкой требованіямъ новаго времени. Единственнымъ крупнымъ органомъ за ту же цѣну былъ „Daily Telegraph“, сдѣлавшій столь круп-

ные успѣхи, что сбавку въ цѣнѣ принуждены были сдѣлать вскорѣ всѣ остальные газеты. Исключеніе составляла только „Times“, до сихъ поръ продающаяся по три пенса за нумеръ.

Немного спустя, „Morning Herald“ совершенно прекратилъ свое существованіе, и остался лишь „Standard“, влада довольно жалкую судьбу. Наконецъ „Standard“ былъ приобретенъ за 4,000 ф. ст. весьма энергичнымъ предпринимателемъ, капитаномъ Джонстономъ, бывшимъ офицеромъ. Джонстонъ рѣшилъ напечатать газету въ видѣ большаго утренняго органа и пригласилъ въ качествѣ завѣдывающаго редакціей талантливаго стенографиста нижней палаты, Мудфорда. Последний прекрасно повелъ дѣло, и главный органъ консервативной партіи началъ умѣло проводить новые взгляды, причѣмъ этому успѣху много способствовало то обстоятельство, что либеральная партія уже утратила свою прежнюю блестящую роль. Какими гигантскими шагами „Standard“ дошелъ на протяжении десяти, двѣнадцати лѣтъ до положенія великой державы въ области газетнаго міра, видно хотя бы изъ рѣшительной, провознесенныхъ сиротскимъ судомъ послѣ смерти Джонстона, умершаго въ восьмидесятихъ годахъ и оставившаго послѣ себя малолѣтнихъ наследниковъ. Въпредсмертныхъ распоряженіяхъ Джонстонъ утвердилъ Мудфорда въ роли редактора, не опредѣливъ ему, однако, гонорара. Судъ высказался, въслѣдствіе этого, что такъ какъ Мудфордъ въ сравнительно короткій періодъ довелъ газету до современнаго высокаго развитія, то 10 проц. съ чистой прибыли слѣдуетъ признать вовсе не чрезыбрымъ вознагражденіемъ за его трудъ. Чистая же прибыль составляла тогда болѣе 50,000 ф. стерлинговъ. Къ концу восьмидесятихъ годовъ, прибыль эта еще значительно повысилась, но затѣмъ наступило застійное даже углубь, по всей вѣроятности, въ виду болѣзни Мудфорда. „Standard“ остался, правда, газетой всеобщихъ отношеній корректной, но свѣжестъ изъ него исчезла. Многие лучшіе сотрудники умерли, а вѣсколькіе лѣтъ назадъ, удалился на покой и самъ Мудфордъ. Наслѣдникъ послѣдняго не могъ пріобрѣсти быстрого паденія. Дѣятельность этого наследника совпала съ эпохой войны и съ періодомъ, когда на либеральной сторонѣ „Daily News“ клинчилась въ упадку, и когда появились издатели газетъ по полученіи за экземпляръ (Гармвортъ и Пирсонъ). „Standard“ не упалъ, впрочемъ, такъ низко, какъ газета „Daily News“, но втеченіе полутора лѣтъ, пока Чемберленъ выступилъ съ тарифными реформами, а „Standard“ остался на сторонѣ фритредерствъ, тиражъ его, составлявшій въ періодъ расцвѣта 300,000 экземпляровъ, дошелъ до 100,000. Поэтому, съ коммерческой точки зрѣнія, единственнымъ спасеніемъ явилась продажа изданія новому лицу.

Самурай.

Нѣсколько дней тому назадъ, будучи въ Вѣнѣ, я имѣлъ случай встрѣтиться съ знаменитымъ проф. Лерингомъ. Великій ученый составлялъ трудъ о Японіи на основаніи ея законовъ и выводовъ европейской науки и практики конституціи и, потому у него постоянно толпились японскіе ученые и путешественники, смѣтрившіе на Леринга отчасти какъ на своего. Для японца это очень много значить, потому что онъ сходится съ большимъ трудомъ и смотритъ всегда недоувѣреннымъ. Я встрѣчался съ японцами, бесѣдовалъ съ ними и, привязавшись, какъ и всѣ вообще, смотрѣлъ на

без внутренней брони на эти маленькие человечки в черных сюртуках и лакированных ботинках, говоривших так много о величии своей маленькой страны. Меня интересовал ее строй и, услышав однажды слово „самурай“, я попросил объяснить мне, что это значит. Японец рассказывал мне, что самурай это представитель высшего феодального дворянства, которое после борьбы уступило свои права на благо народа и несёт теперь на себя службу наравне с остальными классами.

— Народ не любил никогда самураев, — объяснял мне мой собеседник, — вкани они стояли от него так далеко, так чуждались, что он привык видеть в них что-то особенное, почти божественное: некоторые фамилии действительно ведут свое происхождение от богов и горячо исповедуют религию шинтоизма.

И вот, когда вчера я прочитал в газетах подробности штурмов самураев, я вспомнил невольно маленького японца и его объяснения.

Самурай постепенно исчезает, потому что экономическое доводство страны и капиталы переходят из его рук в руки капиталистов из народа или акционерных компаний. Вкновыми традициями приходится по-ступаться, отходить на второй план и вступать в брак с такими женщинами, о которых самурай прежде говорил с отвращением.

Время берет свое.

Аристократический строй падает, но у него осталась еще одна опора и та слабеет с каждым днем: это почитание людей с божественным пониманием жизни, двигающихся часто помимо своей воли, а по воле богов, предков, дающих мудрые советы.

И вот, самурай решился двинуться своим отрядом на штурм незбываемых форгов Артура.

Очевидно, здесь все было обдумано, чтобы произвести впечатление. Они надели на себя доспехи предков, покрыли головы их шлемами, вооружились национальными японскими оружием — пикой-крючком. И пошли на смерть!

На следовании за ними войска это должно было произвести сильное впечатление. Они видны впереди себя движущийся отряд лучшей японской молодежи.

И в головь мелькала мысль:

— Они идут по приказу предков. Предки желают добра своим потомкам и, конечно, не пошлют их на смерть. Очевидно, они останутся невредимыми, за ними проклятия твердыни Артура, и победа будет на нашей стороне!

Вперед!

И обшнанным потоком кинулись они следом за самураями.

А ты подвигались в своих маскаррадных костюмах все дальше и дальше, и čím ближе выстали перед ними форты Артура, тым все яснее и яснее становилось, что победа недостижима.

Доспехи предков, блестящие латы, шлемы — все это давило, жало, хотьясь сбросить...

Но вот завала первая пушка.

Смерть пронаседал свое страшно:

— Memento mori!

А за пушкой следом заработали пулеметы...

И самурай ложился рядами, умирали в своих шлемах, которые были не только жалки, но и смлшны перед современным оружием.

Победа осталась на стороне русских. Но одновременно с этим японцы одержали другую победу, победу над собой, над своим старым феодальным строем, который хотья воскресить прошлое и не мог.

Старая Япония съез самураями в этот день умерла безвозвратно, потому что рухнула последняя точка опоры, подддерживавшая ее остатки феодального строя.

Народ убедился, что божественное происхождение — это одна красивая, поэтическая сказка, которую разбил действительность. И старая Япония умерла, унося с собою миф, оставив новую, неприкрашенную ничем современность.

Такова, мне кажется, психологическая сторона этого печального дня самураев.

Старые самурайские шлемы разбиты, разбиты латы, разбиты мечи о победы. Отлетели тыны предков, и снова высится неприступная крепость, сильная не втрой в прошлое, а надеждой на будущее и не знающая сомнений в настоящем.

А. Осипов.

«Домашние» звери и зверьки XX-го века.

Если даже не упомянуть старушку Сарру Бернар, прославившую себя в отношении „домашних животных“, прирученных ею, а именно: львенка и леопарда, — теперь в больших центрах часто можно видеть, как разнообразны новые типы приручаемых свтскими дамами зверей и даже пресмыкающихся, не исключая самых ядовитых.

Мистрис Голланд везду выказает съ большим хамелеоном, привязанным на золотой цпвчок. Он в театральн такт и бгаает по драпировкам ложи, занимаемой красавицей аристократкой.

У других дам приручены крупная ящерица; зеленая, неподвижная, украшенная цветными бантиками, онъ по часам сидят на груди у своих хозяек, словно живое украшение.

Мистрис Артур Кадоганъ приручила нъскольких гадюк, даже не вырывая имъ ядовитых клыков. И другие красавицы постепенно вздыхали свободн, по мърв того, какъ вздыхали одна за другой ядовитые животные, вчно обвивавши шею и руки миледи, въ видъ ожерелья и запястий.

У леди Доротей и леди Эстеллы Гонне — была тоже милая „забава“ — ручная ехидна, очень любящая своих хозяек, скупающая по нимъ, и потому — часто вызвжающая съ ними въ свтъ.

Конечно, ради такой провозкой обь сестры пользовались особым вниманием, — что имъ и нужно было. Очевидно, на собственную прелесть эти граци малю надъялись, и когда ехидна окольдла, сестры завели „зайчика“, „мис ера Джингинса“, какъ его называли, тоже забавлявшего общество своими шутками.

Маленьких мунго и обезьянки — уистити являются ручными любимцами у многих дам, обвивая имъ шею даже на прогулках, въ видъ живого „боа“.

Люди простые, неосвдомленные, часто пугаются, когда изъ-под плаща дамы выскакивает какой-нибудь дикий зверек и начинает кривляться, словно сурки у савояров, только — бесплатно, ибо хозяйки такихъ животныхъ очень богаты. Онъ потымают честной народъ — изъ любви къ искусству, изъ тщеславия, желая, чтобы о нихъ говорили и писали. Египетскй скарабей — жукъ, прирученный одной аристократкой, вызвалъ сенсацию при английскомъ дворе. Королева Александра выразила желание поглядеть на него и ршила приручить

къ себъ. Но завистливая подруга дамы, счастливой хозяйки жука, „будто нечаянно“, сбросила жука съ руки его владелъельницы. Жукъ испыталъ сильное потрясение — и окольдл.

У другой оригиналки — спутникомъ ея является ручной ежъ. Но онъ и пахнетъ душно, и колется. Это не совсемъ удобно.

Коца Ротшильдъ известна была всему Лондону, пока не окольдла.

Африканская болотная кошка вошла въ моду во время англо-бурской войны, и ее водили повсюду съ собою, на лентъ, какъ собаченокъ.

Въ России тоже часто видимъ волковъ и медвдей съ лисицами — въ качествахъ домашнихъ, прирученныхъ животныхъ.

Словомъ, фантазия смлыхъ людей неистощима на то, какъ бы позавидать себъ и привлечь побольше внимания къ своимъ страннымъ вкусамъ и выходкамъ.

Новый «Брюссель».

Въ Парижъ, въ этой „столицъ свтъа“ и умственного просвтъения, легковтрыхъ людей куда больше, чъмъ бы следовало ожидать, соорозано съ равными просвтъительными учреждениями, существующими на берегахъ мутной Сены.

Только Брюссель и можно объяснить усптъхъ новаго Брюсса нашего времени, мадамъ де-Табъ съ ея календаремъ, говорящимъ языкомъ оракула Соломона о разныхъ мировыхъ событияхъ въ будущемъ 1905 г.

Календарь мадамъ де-Табъ выпускается ежегодно, вретъ напропалую, и тымъ не менше находитъ все больший и больший сбытъ.

Вотъ, что предсказано тамъ: „Послтъ «свтъенкаго» 1904 года для народовъ настанетъ „пурпурный“ новый годъ. Такъ говорятъ планеты, возвтъжающа о новыхъ, безконечныхъ войнахъ на всей землтъ!“

„Разные государи заставятъ много говорить о себъ... Къ сожалънию, и коронованный подруги ихъ тоже не останутъ по разнымъ „сенсационнымъ историямъ“, давая пищу скандальной хроникъ газетъ и столицъ!“

„Въ дипломатии предстоитъ много потеръ, въ ея личномъ составъ, въ лицъ самыхъ ея блестящихъ представителей. Помоща будетъ вездъ ужасная. Въ Италию, въ Римъ, предстоитъ неожиданный переворотъ, и власть папы потеритъ окончательный ударъ. Англии грозитъ тяжелая, разорительная и унижательная война. Германия потеряетъ одного изъ самыхъ блестящихъ своихъ людей. Испания и Бельгтя будутъ втянуты въ общую военно-социальную путаницу.“

Словомъ, никого не пощадила. Совсемъ романъ нтъма Нимана: „Всемирная война“, а не страничка календаря парижской профдохи-гадали.

Впрочемъ, есть тутъ и свтълое пятнышко. Людямъ такъ опротивтъетъ рзна, что они найдутъ какой-то новый идеальный законъ, болтъ спасительный, чъмъ учение о „братской любви, о равенствъ людей передъ Богомъ.“

Въ добрый часъ. Все-таки — свтълая искорка во мрачтъ предсказанныхъ печальныхъ событий.

Противникъ убойнаго питания.

Нашъ известный скульпторъ, князь Павелъ Трубецкой, производитъ сейчасъ большую сенсацию въ Парижъ и какъ даровитый художникъ, и какъ рдкой морали человекъ.

Убъжденный противникъ „убойнаго“ питания — князь пошелъ въ этомъ направлении еще дальше графа Льва Толстого, не пьетъ даже молока, такъ какъ считается это — „кражей природнаго питания“.

Шт.-капитанъ
А. Аверкиевъ,
убитый въ бою
у Шаха.

Подпоручикъ
Т. М. Широкинскій,
убитый въ бою
у Ляона.

Шт.-капитанъ
А. Танскій,
убитый въ бою
у Ляона.

Подпоручикъ
К. Н. Жиколаевъ,
убитый въ бою
у Ляона.

Подпоручикъ баронъ
Ю. В. Шеплингъ,
убитый въ бою
у Шаха.

Капитанъ
Е. Я. Майхровский,
убитый на Путилов-
ской сандъ.

Шт.-капитанъ
И. Л. Якимовичъ,
убитый въ бою
у Шаха.

Поручикъ
Н. К. Ножинъ,
раненый въ бою
у Ляона.

Капитанъ
К. К. Длужневскій,
раненый въ бою
у Шаха.

Подпоручикъ
А. И. Червина,
раненый въ бою
у Ляона.

Подпоручикъ
И. А. Степановъ,
убитый въ бою
у Шаха.

Шт.-капитанъ
А. И. Смирновъ,
отлучившійся въ бою
у Шортъ-Артуръ.

у телятъ, не ѣсть яицъ, въ которыхъ
врѣсть новая животная жизнь, зародышъ
пыленка.

Онъ питается только овощами, приго-
товленными на постномъ маслѣ, сырыми
фруктами и сухими хлѣбомъ, горячо
стоитъ за свой образъ жизни, самъ—здо-
ровъ и силенъ, превосходно работаетъ и
заявляетъ, что растительная дѣта—луч-
шее средство противъ всевозможныхъ

недуговъ человѣческихъ. За 6 лѣтъ, какъ
онъ ведетъ „постный“ образъ жизни, —
онъ ни разу не хворалъ.

У него въ мастерской мирно живутъ:
молодой медвѣжонокъ, волченочъ, тоже
питаемый „безубойно“, кашей, и 9 собакъ,
тоже „вегетарианокъ“ безупречныхъ.
Вся эта компанія, не вкусивъ крови
отъ рожденія,—живетъ очень мирно, на-
поминая первыя времена творенія, когда

левъ ягненка лобызалъ и коршунъ ле-
талъ пить воду съ голубями...

Извѣстныя русскія публикѣ группы
князя Трубецкаго: „По законамъ приро-
ды“ и „Противъ законовъ природы“
трагующія ту же тему: о пожирании че-
ловѣкомъ другихъ живущихъ, имѣютъ
большой успѣхъ.

В. П.

Въ гаремѣ Афганскаго эмира.

Съ фотографіи англійскаго корреспондента, авторитна „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Балерина Лосковскаго Императорскаго театръ
Л. Рославлева.
(† въ Цюрихѣ, 14-го ноября).